

НАША СТРАНА

Год издания 78-й. Буэнос Айрес, 13 апреля 2026

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 13 de abril de 2026

No 3267

Возлюбленные о Господе пастыри, монашествующие и миряне нашей епархии!
Дорогие братья и сестры!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Так и вы теперь имеете печаль;
но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше,
и радости вашей никто не отнимет у вас. (Иоан. 16: 22)

Сын Божий воплотился и родился на земле не для устройства мира сего, а для устройства нас в Его Царствии. Духовные лица того времени за это Его и распяли, надеясь в Нём увидеть искоренителя язычников, идолопоклонников и всякого рода неправильных людей. К сожалению, и до сих пор духовные лица этим занимаются – устройением мира сего и человеческой правды в нём, а не устройением душ человеческих на путь к Богу. Господь нас предупредил, что будем скорбны в этом мире, но не от беззаконий в нём, а от сиротства, от кажущегося оставления нас Господом. И во времена Апостолов языческие правители вели войны, но Апостолы наставляли людей не к этому миру, потому что он не наш, а к миру духовному.

Мы были изгнаны из мира духовного, и к нему мы должны стремиться, к нему направлять наши мысли, а не к этому миру. Этот мир злым делают людские поступки, а не сам по себе он во зле лежит. Господь создал его другим. В этом мире, искажённом человеческим злом, мы не найдем правды Божией, да мы и не призваны искать её здесь, мы призваны к Горнему.

Дорогие мои, старайтесь направлять свои мысли и дела к тому, к чему мы призваны, всё остальное от лукавого. Мы теряем смысл Евангелия в нашей повседневной жизни. Словно не к нам относятся сказанные Господом слова: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». (Матф. 5:23-24)

Святой Иоанн Златоуст поясняет слова Господа: «Пусть, говорит Он, прервётся служение Мне, только бы сохранилась твоя любовь, потому что и то жертва, когда кто примиряется с братом. Господь высоко ценит любовь, и почитает её величайшею жертвою, и без неё не принимает и жертвы вещественной». Но как мы сегодня руководствуемся этими словами? Они нам кажутся чуждыми, ушедшими в прошлое, а мы, как ни в чем не бывало, ходим на Литургию, причащаемся, а брат, имеющий на нас обиду, для нас просто не существует. Для этого ли Господь приходил на землю? Этому ли Он учил своих учеников? Но, к сожалению, теперешние ученики Христа в другом видят «духовную» жизнь: в отстаивании какой-то своей, искаженной человеческой правды в мире, нам не принадлежащем. Для нас должно примирение и любовь к ближнему быть важнее участия в Богослужении, потому что любовь к ближнему и есть наше Богослужение. Вот о какой печали говорил Господь, но тут же Он и ободрял нас о радости. Как нас может увидеть Господь? Только через наше стремление увидеть Его. Евангельский Закхей залез на дерево, чтобы увидеть Христа, мимо идущего, а в нашей повседневной жизни Господь проходит мимо, и мы не пытаемся Его увидеть, а хотим, чтобы Он нас увидел. Для нашего спасения недостаточно, чтобы Господь нас увидел, сначала необходимо нам Его увидеть, а потом и Он нас увидит, и возрадуется сердце наше.

Дорогие мои, всем своим сердцем в эти святые праздничные дни желаю Вам своим любящим ближнего сердцем увидеть Христа, и этой радости у нас уже никто не сможет отнять. Этой радости Вам желаю, подлинной, а не формальной радости о Воскресшем Христе!

Без Распятия нет Воскресенья, без борьбы над собой нет изменений!

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!!!

† Андроник,
Архиепископ Нью-Йоркский и Северо-Американский

Пасха Христова,
30 марта /12 апреля 2026 год.

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьемем. Преп. Серафим Саровский, в любое время, в течении своей жизни, встречал каждого человека, праведного ли, или грешного, верующего или неверующего, доброго или злого, с приветствием – “Христос Воскресе, радость моя!” Церковь же поёт и учит нас – “Братия, и ненавидящим нас простим вся Воскресением!” Вот где Христос ключ к тайне человеческих отношений, к тайне братолюбия, мира и всепрощения. Христос воскрес для всех, и для всех Он открыл врата Своего Царствия! В Христе вочеловечемся и воскресшем каждый человек радость, ибо для каждого человека Христос вочеловечился и воскрес! Приветствую всю мою боголюбивую Южно Американскую паству с радостнейшим приветствием: Христос Воскресе!- Воистину Воскресе! С любовью во Христе, Ваш недостойнейший

Архиепископ Григорий
Санпаульский и Южноамериканский

ПРОФ. ИВАН ЕСАУЛОВ

Пасха - доминанта русской культуры

Русская литература в своих истоках является христианской православной словесностью, поэтому то, что принято называть у нас «древнерусской литературой», на самом деле лучше называть православной словесностью, предназначением которой было воцерковление человека, а в конечном итоге – спасение его бессмертной души как главной цели человеческой жизни. Пасхальное упование (что жизнь человеческая не заканчивается «здесь», на земле, что она имеет свое пасхальное продолжение) – и является ядром русской идеи, как ее понимает «соборный внутренний опыт нашего народа».

У нас Пасха – «торжество из торжеств». Воскресение Христова – главное событие церковного года у всех христиан. Однако именно на Руси (и затем в России) его празднование стало доминантой не только собственно церковного года, но и культуры. Повидимому, решающая пасхальная победа над Смертью не только как-то особенно остро переживается именно нашей родной культурой, но во многом и сформировала саму ее духовную сердцевину.

Николай Васильевич Гоголь замечательно выразил в завершающей главе своих «Выбранных мест из переписки с друзьями» значение Пасхи: в этот праздник праздников «вся Россия – один человек».

Тогда как в культуре западного мира Пасха словно бы уходит в тень Рождества. А вот русская литература «восстанавливает» истинную иерархию: скажем, когда Алексей Хомяков переводил на русский язык «Рождественскую песнь в прозе» Чарльза Диккенса, он преобразует английскую рождественскую тематику в русскую пасхальную. В итоге события рождественского рассказа переносятся в Россию, герои живут православной жизнью, христосуются, а сам рассказ становится у Хомякова пасхальной повестью

«Светлое Христово Воскресение».

В классической русской литературе христоцентризм православной словесности ушёл, в основном, в её подтекст, но не исчез вовсе. Именно поэтому Томас Манн и называл русскую литературу «святой».

В допетровское время «симфония» между духовной и светской властью (и особые отношения между Патриархом и Царем), да и сам православный календарь, очевидным образом организовывали повседневную жизнь русского человека. Затем, с эпохи Петра и позже, наступило время трансформации Царства в Империю. Но недопустимо игнорировать факт, что это не просто Империя, но и независимая православная Империя, которая, допуская на своей территории существование различных конфессий, всё-таки – после падения Византии - мыслила свою миссию как защиту православного народа во всем тогдашнем мире.

И видя свою задачу в том, чтобы быть несокрушимым государственным бастионом Православия. В чём и состоял, между прочим, «проект Екатерины» — восстановить путь «из варяг в греки», укрепившись в Крыму, как Пётр «ногою твердой» стал при другом море – Балтийском.

Своим христианским духом эта Империя единственная по-настоящему противостояла революционной всевропейской смуте (здесь я совершенно солидарен со статьей Фёдора Тютчева «Россия и Революция»).

Страна жила по христианскому календарю, её отдельная цивилизаторская особенность подчёркивалась следованием юлианскому (а не григорианскому) календарю. И именно эту связь между православием и русской культурой (вообще-то главное в национальной картине мира), попытались уничтожить большевики. Особенно грутально – в первые десятилетия советской власти, а затем – в годы хрущёвских гонений на Церковь.

Однако, несмотря на все уси-

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

лия, до конца уничтожить эту связь большевикам за все советские десятилетия не удалось. И я сформулирую свою мысль радикально: если эта связь разрушится вовсе, то русская культура (и русская литература как ее часть) перестанут быть русскими.

Я предлагаю не просто какую-то чисто теоретическую «концепцию», но и исхожу из истории русской словесности, первое оригинальное произведение которой – пасхальная проповедь митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати», в котором сопоставлены Закон Моисея и Благодать Христа. Это начало, самый исток нашей литературы во многом определил её внутренний стержень, он нерасторжимо связан с Пасхой.

Неслучайно Евангелие от Иоанна, то самое, на которое опирается митрополит Иларион в своей проповеди, и которое читается на первой пасхальной службе – излюбленное в русском народе (именно его предпочитал, например, Достоевский).

Великая пасхальная тайна, тайна Святой Пасхи, переход от смерти к жизни, от рабства земных забот к свободе, от ветхого человека в себе к новому человеку пронизывает собой нашу литературу. Я полагаю, что именно неуничтожимая живая связь с Воскресением и привела в конце концов к тому, что она стала мировым культурным достоянием.

Я настаиваю, что пасхальность – это ядро нашего культурного бессознательного. Как справедливо заметил Достоевский, другой «идеи» (кроме православия), у нашего народа нет никакой. И когда вера на государственном уровне порушена (а она оказалась почти уничтожена, когда, например, Хрущёв грозился показать по телевизору «последнего попа»), то – именно в России, духовный идеал которой – Святая Русь, это приводит к очень тяжелым духовным последствиям... И порушенное, как оказалось, труднее восстановить, чем просто восстановить заново церковные здания...

Ведь во многом эти наши попытки «вернуть себе Россию» опирались не на живую традицию, которой уже не было, а выстраивались вынужденно искусственно, каждый предлагал свой рецепт, кто во что горазд...

Увы, в советские десятилетия, начиная непосредственно с большевицкой революции, порождая пасхальным архетипом добровольная жертвенность (в подражание вольной жертве Христа), слишком часто использовалась для реализации целей, которые трудно назвать христианскими. Скорее уж, антихристианскими, вроде «мировой революции». Сей архетип, по мере всё большей и большей секуляризации, от идеи спасения бессмертной человеческой души привёл к утопическому построению «рая на земле». Так Звезда, ведущая к «высоким» целям (но «здесь», на земле) и подменила в массовом сознании Крест. Необходимо и в этом случае вспомнить о своих духовных истоках. Если государство, наконец, озаботится этим, что же, я буду очень рад. Но не стоит подменять идею насильственной «идеологией»: ведь это уже было в нашей стране большую часть двадцатого века – и закончилось крахом.

Мы должны, наконец, понять, что «мертвые души» – это не «они» (гоголевские помещики и в целом мир Царской России, «мертвые души» – это на самом-то деле мы. В большом времени русской культуры Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов писали не только для «них» (своих современников), но и для нас. Мы должны так прочесть наши великие произведения, чтобы взглянуть в зеркало русской литературы – и узнать себя в её грешных героях. В конце концов, Гоголь от зрителей «Ревизора» добивался именно этого. И только осознав, что это о нас, грешных, а не только о «них», что это и мы такие, а не только «они», у нас будет негарантированный, но шанс и на наше Воскресение. А не будет его, не будет и возрождения подлинной России.

ОТКАТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Пугают стремительные макросоциальные изменения, о которых ныне пишут социологи и социальные антропологи – не только из РФ, но и по всему миру. Уходит не что-то там, но Общество. Разумеется, Общество каким оно было последние пять тысяч лет разрушилось практически везде за период так называемого "Новейшего Времени" (1917-1945 годы), и было заменено институтами так называемого "Массового Общества", а на его месте возникли крестьянские, рабочие, эгалитарные нации, абсолютно варварские по своей неотчуждаемой от первобытной генеалогии сути.

Генеалогическая машина сломалась. Однако, Общество всё-таки боролось за своё выживание даже в этих условиях. Даже в обезлюдевшей России! Например, в Москве на начало 2020-х годов всё ещё проживало не менее половины процента населения, имеющего культурных дореволюционных московских предков, то есть старомосковские семьи. Для двадцатимиллионной Москвы это была огромная величина, около ста тысяч человек, которым можно было доверять и приводить в свой дом. Если сравнивать с советскими временами, когда любое общение с себе подобными всегда было штучным и практически конспиративным, то Общество Москвы увеличилось раз в пятьдесят после 1991 года. Но затем оно стало скукоживаться и гибнуть. С 2022 года этот процесс пошёл в десять раз быстрее – массовый отток мозгов за границу, упразднение общественных институтов (например, при театрах, филармониях и музеях), массовое закрытие общественных СМИ и ярлыки "иноагентов" на оставшихся выживших, закрытия семинаров, выставок, чтений. Пожалуй, в подсоветские времена было лучше, чем сейчас, потому что Общество продолжало свое бытие на "кухнях" и квартирах. Нынешняя деградация институтов Общества страшит, причём эта тенденция касается не только спятившей путинской РФ.

Вообще-то, мы переживаем цивилизационный откат. Дело даже не в том, что идут войны, их всё больше, и непонятно, как ныне идущие войны закончатся. Есть чёткое ощущение, что хорошего выхода не будет, не будет такого мира, после которого все скажут: "Наконец-то, мы этого ждали". Но это далеко не в первый раз. Когда в раннем Средневековье на римском Форуме паслись козы, потому что больше там делать было нечего, Рим превратился в маленький городок, где среди античных развалин добывали пропитание, как могли. Это длилось столетиями. Это не то, что напали гунны, готы, разрушили, ушли, и всё через 20-30 лет вернулось.

Ф. Сергеев

К РЕСТАЛИНИЗАЦИИ

В постсоветские годы казалось, что память об истории ГУЛАГа больше никогда не позволит стране скатиться к тоталитаризму.

Но, увы, в сегодняшней России тысячи невинных людей вновь преследуются, лишаются свободы по политическим статьям. В стране появляются памятники Сталину, уничтожаются мемориалы жертвам коммунизма, закрываются музеи, сохраняющие память об убитых Лениным и Сталиным.

Как известно, на месте московского Музея истории ГУЛАГа будет Музей «памяти жертв геноцида советского народа немцами». В Магадане вместо музея политических репрессий возникнет «патриотический» комплекс.

Во Владивостоке памятник А. И. Солженицыну переместят из центра города на окраину.

Посыл такой: «большая часть сидела по делу. Может, кого-то и брали случайно, но где не бывает ошибок, это не вина системы и уж никак не товарища Сталина». Сейчас этот взгляд стал основным.

И теперь вот выяснилось, что ничего про репрессии в будущем магаданском музее не будет. А будет про трудовой подвиг народа, который по доброй воле добывал тут золото и ковал победу.

В Магадане были – пересыльная тюрьма, рудник Днепровский, и лагерь Бутыгычаг. Пересыльная тюрьма описана у Евгении Гинзбург в «Крутом маршруте», сейчас это заброшенное здание посреди панельных домов, построенных после ГУЛАГа.

Проект создания магаданского мемориального комплекса «Музея памяти» разрабатывался с 2020 года при поддержке местных властей и под руководством специалистов. Исторический ландшафт Днепровского рудника тщательно консервируется – все камни, дорожки и предметы лагерной жизни остаются на своих местах. Территория приобретает музейную структуру, в основе которой лежит Тропа – кольцевой пешеходный маршрут. Прогулка по Тропе занимает три-четыре часа. В южной секции корпуса находится музей для хранения и исследования артефактов, найденных на территории концлагеря.

Экспозиционные чемоданчики на ножках сопровождают макеты, – в них и перевозят, и показывают ценные объекты. Чемодан становится витриной благодаря съёмным металлическим ножкам.

Так описывался будущий комплекс в проекте. Теперь очевидно, что ничего этого не будет: «Музей памяти» превратится в «краеведческо-патриотический комплекс». В Магаданской области любовь к своему краю всегда была насковзь пропитана лагерной тематикой. Но последние годы система уже навязывала свой совковый взгляд на прошлое.

Например, в магаданском краеведческом музее был громадный раздел, посвящённый истории Дальстроя – треста, который управлял геологическими разработками, золотыми приисками, шахтами и осваивал территорию Дальнего Севера силами политзаключённых. В музее это подавалось в героическом ключе, мол, «людям было тяжело и трудно, они были заключёнными, но всё равно были героями». И было два раздела. Первый про Севвостлаг, где было много лагерных экспонатов,

даже вышка из Днепровского. А второй про освоение Крайнего Севера, героический: добыли столько-то тонн золота, олова, угля, урана – это же достижение, смотрите, как хорошо. А фигура лагерного начальника Берзина – это для них прямо какой-то Пётр I, герой-основатель. При этом же, во время Большого Террора этот палач был расстрелян. Он был частью системы, которая использовала принудительный труд.

Ещё очевиднее двоемыслие путинской мемориальной политики проявляется в истории с памятником писателю Александру Исаевичу Солженицыну, которая разворачивается сейчас в городе Владивостоке.

Двадцать седьмого мая 1994 года Александр Солженицын впервые после 20-летнего изгнания прибыл в Россию – и именно во Владивосток. Для него было принципно начать «с края страны».

Через 21 год после этого возвращения, в 2015 году, в центре Владивостока, на Корабельной Набережной был открыт памятник Солженицыну высотой в 2,6 метра. Писатель там изображён в движении, словно сходящий на берег после долгих скитаний. В церемонии открытия памятника участвовал сын писателя Ермолай Солженицын.

Памятник сразу же стал предметом яростных нападок. Кому-то не нравилось, что Солженицын как будто выходит из моря, как «пеннорожденная Афродита», коммунистов оскорбляло его соседство с памятником героям «Великой Отечественной войны», хотя Солженицын и сам воевал. В 2023 году местный житель даже подал иск в суд с требованием демонтировать памятник, но проиграл. Однако в 2026 году власти Владивостока решили перенести памятник Солженицыну с Корабельной Набережной на окраину, в сквер Веры и Надежды.

Решение было принято после требования городского депутата Максима Шинкаренко, который давно боролся с памятником и даже в 2015 году вешал на него табличку с надписью "Иуда".

В то же время в Москве по-прежнему действует – пока ещё – Дом Русского Зарубежья имени Солженицына, есть памятник Солженицыну на Таганке, и есть музей-квартира Солженицына.

Закрытие и перемена смысловой направленности музеев и мест памяти шли параллельно с закрытием архивов и запрещением деятельности правозащитных центров "Мемориала".

В 2021 году суды РФ постановили ликвидировать старейшие в стране организации, занимавшиеся исторической памятью – Международное общество "Мемориал" и правозащитный центр "Мемориал".

В 2024 году Центр защиты прав человека "Мемориал" был внесён в список «иностранных агентов».

Несмотря на нынешний дикий капитализм в путинской РФ, огромные состояния путинских олигархов, значительная часть ключевых элит в нынешней РФ – глубоко советские люди.

В октябре 2023 года проект "Можем объяснить" насчитал 110 памятников Сталину в 40 регионах и 107 населённых пунктах РФ. 95 из них были установлены при Путине.

Николай Греков

ПУТИНСКАЯ ПОЛИТИКА: ХАОС ВОВНЕ – ГУЛАГ ВНУТРИ

В XX веке в мире сразились две идеологии: коммунизм и нацизм. Но в XXI-м на смену им пришли носители хаоса — власти, которые не обещают будущего, а управляют через трансляцию хронической тревоги и тотальной неопределённости.

XX век был веком идеологий. Коммунизм обещал бесклассовое общество и царство справедливости. Нацизм — торжество нации и расы, тотальный порядок, подчинённый воле вождя. Обе идеологии мобилизовали миллионы, строили утопии на костях, и обе потерпели крах — военный, экономический, моральный. Когда в 1989 году Фрэнсис Фукуяма объявил о "конце истории", многие подумали, что человечество вышло из эпохи идеологических потрясений. Мол либеральная демократия одержала победу, и впереди — лишь мирный прогресс на основе уже достигнутого.

Но XXI век принёс не торжество либеральной демократии и не возвращение старых идеологий, а нечто принципиально новое. Оно не имеет манифеста, не обещает светлого будущего, не апеллирует ни к равенству, ни к свободе. Оно вообще ничего не обещает — кроме непрерывного беспокойства, вечного "сейчас", разорванного на бессвязные эпизоды.

Это власти, которые опираются не на порядок и не на идею, а на производимую ими же неопределённость. Это сознательное использование непредсказуемости как инструмента власти. Коммунизм и нацизм, при всём их различии, предлагали программу: один обещал величие нации, другой — справедливое общество. Оба использовали страх как инструмент, но легитимировали себя через утопию. Нынешние власти ничего не обещают — они управляют через чистую неопределённость, через тревогу: хроническое состояние неуверенности в завтрашнем дне, когда невозможно ни планировать, ни сопротивляться. Социолог Зигмунд Бауман называет это "текущим страхом" — расплывчатой тревогой, которая не имеет конкретного объекта и потому не может быть преодолена.

Эксперты Валдайского Клуба, интеллектуальной площадки, обслуживающей Путина, разрабатывают то, что они называют "теорией хаоса" в международных отношениях. Эта концепция не описывает мир, а оправдывает действия путинского руководства.

Согласно ей, мир вступил в эпоху "осыпания" прежних структур: "Эволюция международной среды подводит к другой схеме... — мир без полюсов: хаотичный и быстро меняющийся порядок, война всех против всех, идущая рука об руку с упадком привычных институтов".

Её первый постулат: прежний мир не вернуть. Те, кто пытается его удерживать — прежде всего страны Запада — в итоге вынуждены будут признать тщетность своих усилий. "Прежний порядок уже не существует. Нового нет и даже непонятно, каким ему быть".

Ещё постулат: хаос принципиально неуправляем. "Переменчивость, подвижность, ситуативность стали определяющими характеристиками мирового процесса. И в ряде случаев те, чья реакция быстрее и точнее, могут извлечь пользу из такой обстановки". Иначе говоря, побеждает не тот, кто пытается вернуть управляемость, а тот, кто умеет эффективно перестраивать свою политику под текущий момент.

Третий постулат: каждый сам за себя. "Уходят в прошлое жёсткие схемы „мы — они“, принцип „каждый сам за себя“ подразумевает не только „круговую оборону“, но и возможность быстрой смены партнёров". Никаких перманентных союзов — любая позиция пересматривается, когда меняется баланс выгод.

Четвёртый постулат: справедливость умерла. "Этичность окончательно перестаёт быть критерием политического решения". "Потеряет смысл соревнование за то, чтобы оказаться на правильной стороне истории... Правильной стороны просто не будет". Это снимает любые моральные ограничения.

Пятый постулат: военная сила — залог выживания. "Предстоящий исторический период будет сопровождаться конфликтами и, весьма вероятно, военными столкновениями". "Международные институты отходят на второй план, уступая место более архаичным способам урегулирования конфликтов". Война нормализуется: "Есть убеждение, что воевать можно — вопрос лишь в минимизации потерь и максимизации результатов".

Дело в том, что скорость распространения информации превысила скорость её осмысления. Новостной цикл сжался до часов, внимание стало дефицитным ресурсом. В этих условиях последовательная идеология — слишком медленный инструмент. Выигрывает тот, кто умеет производить события — шоки, скандалы, неожиданные ходы. Важен не смысл, а эффект. Если нет истины, значит, можно говорить что угодно; если нет общих ценностей — побеждает сила; если нет будущего — есть только момент.

Международные организации, правовые системы, СМИ — все они переживают кризис доверия. Когда институты слабеют, они перестают быть гарантами предсказуемости. В этот вакуум устремляется хаос, который не нуждается в институтах. Путинские эксперты прямо формулируют: "На передний план выходит уже не восстановление управляемости, а вопрос техники безопасности для государств".

Глобализация, технологические изменения, миграция, климатический кризис — всё это требует долгосрочного мышления и готовности к неопределённости. Хаос предлагает альтернативу: не понимать сложность, а производить её, превращая собственную некомпетентность в стиль правления.

Ключевое различие — в отношении к будущему. Коммунизм и нацизм, при всей их чудовищности, были проективными идеологиями: они строили (кровавыми методами) некое "завтра". Хаос — разрушает саму возможность "завтра", сжимая время до непрерывной череды моментов. Путинские теоретики провозглашают: "Эпоха больших идей, теорий, программ и ожиданий, судя по всему, закончилась". Коммунизм и нацизм мобилизовали массы — вокруг нации или класса. Хаос демобилизует: он превращает общество в совокупность изолированных, тревожных, дезориентированных индивидов.

Ему не нужен "новый человек" — достаточно усталого, растерянного, живущего от кризиса к кризису.

РФ — чистейший образец всего этого. Валдайские доклады, которые ежегодно презентуются с участием Путина, выполняют функцию концептуального обоснования уже сложившихся тра-

кторий внешней политики РФ — от войны на Украине до выхода из международных договоров.

Цели войны на Украине менялись десятки раз: денацификация, демилитаризация, защита Донбасса, борьба с НАТО, историческая миссия... Цель отсутствует — но само отсутствие цели стало методом. Ядерные угрозы звучат как ритуальные заклинания, не связанные с реальной доктриной. Законы принимаются и применяются произвольно. Экономика живёт в режиме пожарного реагирования.

Путинский хаос, обращённый к миру, оборачивается окаменением, обращённым к собственному населению. Это не побочный эффект, а структурная необходимость: внешняя непредсказуемость должна компенсироваться внутренней монополией на насилие — иначе режим сам утонет в произведённом им хаосе. Примечательно, что эту логику прямо проговорил бывший путинский идеолог В. Сурков: "Социальная энтропия очень токсична. Работать с ней в наших домашних условиях не рекомендуется. Её нужно выносить куда-нибудь подальше. Экспортировать для утилизации на чужой территории".

Список репрессий растёт год от года: блокировка Telegram, VPN, YouTube; уголовные дела за репосты; уголовная статья о "дискредитации армии"; реестры "иноагентов" и "нежелательных организаций"; тотальная зачистка независимых СМИ. Интернет — последнее пространство свободы — превращается в контролируемый суверенный интранет. Хаос снаружи, ГУЛАГ внутри — две стороны одной монеты.

Дело не только в репрессиях. Путинский хаос не уничтожает идеологию — он производит идеологическую архаику. Чем больше хаоса экспортируется вовне, тем жёстче идеологическое окостенение внутри: культ "Великой Отечественной" — события 80-летней давности — возведённый в государственную религию; лозунг "можем повторить" как квинтэссенция режима, способного только воспроизводить прошлое; лже-православие МП рядом с языческим культом силы. Это не отсутствие идеологии, а идеология расщеплённого сознания, где взаимоисключающие ценности усиливают общую дезориентацию. Путинский хаос как идеология — это Царь-Мученик Николай II и палач-коммунист Сталин на одном плакате. Это двуглавый орёл и красная звезда на фуражках офицеров армии РФ.

Хаос вовне, железный порядок внутри. Беспорядок как экспортный товар, порядок как внутренняя тюрьма. Путин не может позволить себе хаос дома — иначе он потеряет единственный ресурс, который у него остался: покорное население.

Хаос Путина и хаос Трампа — разные политические виды, хотя оба оперируют неопределённостью. Трамп сделал непредсказуемость центральным элементом своей внешнеполитической риторики. В программной речи 2016 года он заявил: "Мы должны быть непредсказуемыми. Мы полностью предсказуемы. Мы всё рассказываем. Мы посылаем войска. Мы им об этом сообщаем. Мы посылаем ещё что-то. Мы проводим пресс-конференцию. Мы должны быть непредсказуемыми".

28 февраля 2026 года началась полномасштабная война в Иране. Ормузский пролив был фактически

заблокирован; мировая экономика потрясена крупнейшим энергетическим кризисом с 1970-х. Но даже в разгар войны Трамп приостанавливает удары и объявляет о "продуктивных переговорах". Это война без одобрения Конгресса, с тысячами жертв и глобальными последствиями. Но и здесь принципиальное отличие от Путина — даже в разгар войны Трамп торгуется: приостанавливает удары, ведёт переговоры, ищет "сделку". У Путина нет стоп-сигнала; у Трампа он есть, хотя нажимает он его всё позже.

Трамп действует всё более жёстко, но в рамках системы, которая его сдерживает. И идёт на попятную. Путин ведёт бесцельную войну на истощение, Трамп — войны с ограниченными целями.

У Трампа хаос остаётся внешнеполитическим инструментом. Внутри Америки работают суды, блокирующие его указы; Конгресс обсуждает резолюции о военных полномочиях; пресса свободна; миллионы выходят на марши протеста. У Путина хаос вовне сопряжён с окаменением внутри. Это два разных политических вида.

Как отмечает журнал Foreign Affairs "в отличие от любого президента США до него, Дональд Трамп отказался от всех усилий сделать Вашингтон надёжным или последовательным... С Трампом единственная закономерность — это отсутствие закономерности".

Современная война — не случайно — стала войной дронов. Это не просто технологическая новинка, а структурный симптом хаосизации конфликта.

Танк — оружие порядка: массивное, линейное, требующее логистики и иерархии. Авиация — оружие государства: сложная система, требующая инфраструктуры, обучения, координации. Дрон — оружие хаоса: дешёвый, ройный, распределённый, автономизируемый.

Дрон убивает локально, точно, асимметрично. Он превращает поле боя в набор несвязанных событий.

Как отмечает Hudson Institute, "дроны оказывают непропорциональное влияние в сфере когнитивной войны... Их повсеместность и непредсказуемость создают ощущение постоянной уязвимости: ни одно место — от линии фронта до тыла — не является полностью безопасным. Это психологическое насыщение подрывает выносливость солдат, внушает страх гражданскому населению".

Дронная война ломает классическую военную иерархию. Решения принимаются на низовом уровне быстрее, чем успевают среагировать командование. Тактика меняется ежедневно. "Роевое" мышление вытесняет планирование. Как отмечает Council on Foreign Relations, "степень, в которой малые дроны обнажили позиции войск, беспрецедентна — скрыть передвижение солдат крайне сложно при постоянной угрозе наблюдающих и атакующих сверху дронов".

И антропологическое измерение: дрон убивает героя и вводит оператора. Война перестаёт быть столкновением армий и становится жизнью под постоянным жужжанием смертоносной "мухи". Исчезает фронт, исчезает тыл, исчезает различие между комбатантом и гражданским. Остаётся только хроническая тревога — та самая эмоция, на которой держится хаос.

Д. Карамышев

ИЗ АРХИВА РЕДАКЦИИ

ПИСЬМА Н. Л. КАЗАНЦЕВУ ПЕРВОПОХОДНИКА, РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ "ЗА РОДИНУ" А. Г. МАКРИДИ

27 июня 72. Иной раз, такое отчаяние возьмёт, что начинаешь думать: а заслуживает ли наш хваленый христианский мир того, чтобы его защищать? Да и кто его может защитить от врагов, если он сам себя не защищает, не желает защищать и за честь считает залезть в кабалу. Больше того, непрошенных защитников своих готов продать за копейку тем же врагам. По-моему, предложение превышает спрос, за предательство уже почти ничего не платят, скоро за предательство ещё и приплачивать будут. Иуды толпами шляются по свету...

18 августа 73. Ваше сотрудничество в иностранной печати, на мой взгляд, не менее, а возможно более важно, чем в русской. Пожалуйста, не ослабляйте усилий завоевать там место. Вы молоды и можете излишней напористостью испортить карьеру: если враги сумеют Вас раскусить как опасного - устроят неотразимую подножку.

А Вы упорно, но по фабиански, втискивайтесь. Врагов, между прочим, провести не так трудно, но требуется всегда большая выдержка.

То, что американцы считают Владимира Набокова лучшим своим писателем, очень характерно: прежде всего, Владимир Набоков покоряет американцев непревзойдённым умением фабриковать «бестселлеры». Этому умению способствуют природные способности Владимира Набокова: он неглубок, беспринципен, за деньги готов писать о чем угодно и, при всём том, является в наше время едва ли не самым блестящим литературным стилистом. Причём трудно сказать, да и ему самому, в каком языке - английском или русском. Замечательно, что написанные им книги по английски он иногда переводил на русский с таким трудом, что по собственному признанию, вынужден был их писать как бы заново.

Мне кажется, что в историю литературы Набоков войдёт как выдающийся и безусловно талантливый учитель литературного чистописания.

Для американцев он, конечно, клад и гордость. Я Набокова читал, но никогда им не увлекался. Его лавры не давали спать бедному Нарокову (Марченко). После фантастического успеха «Лолиты», Нароков написал «Могу!», но переплюнуть в похабстве не смог и помер. А хороший был человек и замечательный журналист. По специальности математик, советский.

24 мая 75. Ваше намерение основать «Библиотеку русской почвенной мысли» приветствую, а включение меня в нее, беспокоит: будут ли читать? Судите сами: Николай Шаповаленко-Потоцкий, Пётр Евстафьевич Панин-Сokolov, Алексей Ростов-Гротов-Сигрист постоянно шеголяют

ответами на письма и запросы читателей, заваливающих их своим восторженным вниманием, а мне за десятки лет никто ни одного письма не прислал. Я не ревную, а просто делаю из этого практически вывод для Вас: будьте с моими писаниями осторожны, чтобы не прогореть.

25 октября 75. Ваше письмо меня очень согрело. Особенно дорого мне то, что Вы поставили мне в заслугу как раз то, над чем я и стараюсь. Ваша похвала с избытком возмещает то, что большинство читателей не замечает моих усилий. Вы спрашиваете, не пробовал ли я писать по английски. Даже и не пробовал. Но был интересный случай. Для местного русского журнала я написал маленький рассказ, который очень понравился белому ветерану Сабину Викентьевичу Доманскому. А он давно перед тем, как и Вы, настаивал на том, чтобы я стал писать в английской печати. Я на его причитания не обращал внимания. Почти совсем не владея английским языком, он заказал перевод моего рассказа и отправился без переводчика в редакцию одного из популярных здешних журналов и оставил там рассказ с моим адресом.

Я ничего не мог понять, когда получил из редакции письмо, где было сказано, что редакция ежемесячника на год обеспечена принятыми и оплаченными «шорт-стори», а поэтому в них не нуждается, но мой всё-таки принимает в виду его исключительно-го качества. Предложили придти и получить гонорар.

По тому, как вёл себя Доманский, я понял, что это дело его рук, хоть он и отнекивался сначала. Рассказ был напечатан вне очереди.

Переведен рассказ был плохо. Из этого случая, я заключил, что русская литература, во всяком случае беллетристика, сохранила свое преимущество, так как посредственный русский рассказ, да ещё скверно переведенный, на англоязычных произвёл впечатление.

Так как сам я похвастаться знанием английского языка не смею, и хороших (литературных) переводчиков здесь в Канберре нет, то предложение дать ещё что-нибудь, я оставил без внимания.

Только покойный общественный деятель Н. П. Харьков радовался, поздравил меня и в публичном выступлении отметил мой успех, как единственный случай проникновения русского современного рассказа в австралийскую печать. Очень сухо поздравил ещё один соотечественник, и больше никто. Спрашивали, сколько мне заплатили, некоторые бросились пробовать свои силы, но неудачно.

27 октября 75. Ваша журналистическая работа в аргентинском журнале меня восхищает: кроме покойной мронархистки Ольги Константиновны Свирубской (Свир), я до сих пор не знал никого из русских белых эмигрантов то-бы в иностранной прессе защищал интересы русского народа.

29 апреля 76. Пользуюсь случаем коснуться щекотливого вопроса об Игоре Николаевиче Андрушкевиче. Как бы избавить его от прилипшего к нему недостатка: от варваризмов? Они роднят его с теми, с кем у нас нет ничего общего, с подлейши-

ми недоучками вроде Ленина, Троцкого и всяких Вишняков - создателями особого жаргона, столь же далёкого от русского языка, сколько далеки они сами от всего русского. Обидно за человека, не замечающего своего порока, вполне исцелимого. Самое вредное в том, что мешая запечатлеться мыслям, выраженным непонятным для большинства или затасканным митинговым языком, самый способ выражения кажется удручающе неинтеллигентным, потому что именно полу-неинтеллигентным людям свойственны тяготения к иностранным словам, злоупотребление ими и бессмысленная замена ими слов русских. И наоборот, выражение русскими словами всяческих понятий, родившихся за границей, вознаграждается уточнением смысла и красотой речи.

Не нужно стремиться к крайности, конечно, как иные стараются. Старание избежать иностранных слов во чтобы то ни стало переходит в смешную нарочитость и тоже портит язык. Но я не преувеличу если скажу, что из десяти иностранных слов, незаконно вторгнувшихся в нашу речь, шесть безо всякого труда поддаются замене своими, законными.

20 июня 76. Я очень несовершенный писака, и не только по способностям, но и во всех иных отношениях не могу сравниться с Чеховым; он мог писать начисто, не обращая внимания на бедлам в соседней комнате. Временами, когда взрыв хохота казался ему особенно громким, он не выдерживал и выходил узнать, в чём дело, выпивал стакан чая, минут пять дурачился со всеми и возвращался на работу. А у меня по всякому пустяку начинает ныть в груди и во избежание сердечного припадка, я должен тогда все бросать и замирать в полной неподвижности. Такое состояние работе не способствует.

9 августа 76. Только что закончил читать две замечательные книги: «Последняя тайна» Николаса Бетелл - английского журналиста члена Палаты Лордов о насильственной выдачи казаков и «КГБ» - Джона Баррон. На днях смотрел на Тиви хроникальный фильм (вернее, документальный) о Хиросиме. И опять (в который-то раз) стало стыдно за то, что родился человеком. «Человек-звучит гордо!» мог сказать только такой циник, рождённый ползать, как наш Буревестник - Максим Пешков-Горький.

8 декабря 77. Основываясь на моем многогрешном опыте, Вы просите научить Вас тому, для чего никакие университеты ещё не придуманы, да и не будут никогда придуманы. Тайна сия велика есть, это секрет небесный, столь же непроницаемый, как и сама жизнь.

Люди до сих пор не знают, что такое электричество, но они его оседлали как скаковую лошадь, хлещут и несутся на нём в преисподнюю.

А любовь и влечение не только непостижимы, но и не поддаются, и не поддадутся никогда никакому управлению; ни полюбить, ни разлюбить по своей воле нельзя, можно только помогать тому и другому, да и то не всем удаётся.

Мне кажется, что разумнее других к сбережению, и точнее сказать обережению супружеских чувств

относятся немцы, во всяком случае относились. Они подходят к вопросу практически, то есть со средствами доступными, но зато безошибочно.

В прежнее время (до гитлеризма включительно) редкая девушка не проходила специальные курсы домоводства. А там учили не только шить и котлеты жарить, а и правилам по-ведения в семейной жизни. Меня совершенно очаровало повальное обыкновение немцев приводить дом и себя в безукоризненное положение ко времени возвращения мужа со службы, и независимо от того, служит ли немка сама.

Она же требовала от мужа подтянутости и опрятности. Так называемые семейные скандалы в немецких семьях наблюдались гораздо реже, чем в других. И не потому, что правила приличия у них выше, правила те же, а потому, что выше семейная дисциплина, то есть сознание необходимости её соблюдать; не ради каких-то отвлеченных идей, а для сильного уклонения от взаимного унижения, столь вредного в семейных отношениях.

Внутренняя и внешняя опрятность служит сохранению привлекательности и взаимоуважения, так же верно, как верно их рушит распушенность, какая бы ни была. Привлекательность же и добропорядочность, если и не способны создать влечения, то существу служат преданными стражами. Немцы отчётливо видят в привычке путь к охлаждению, а поэтому не злоупотребляют близостью там, где без неё можно обойтись и спят под разными одеялами, чаще в разных кроватях.

Все эти приёмы напоминают кухню в нижнем этаже, о которой не принято упоминать на пиршестве, но от которой успех последнего во многом зависит.

20 января 81. Как-то, давно уже, я писал Вам о моих беседах после войны, в Германии, с одним из лидеров солидаристов-нацмальчиков по фамилии Абрамов. В то время, он вышел уже из партии и был в ней крайне разочарован. Вернее, не ею самой, а ее новым курсом с привлечением к основной работе новых эмигрантов, в особенности - бывших коммунистов.

Абрамов больше всего возмущался последним. И не от избытка антикоммунистических чувств, а потому, что видел в этом повторение роковой ошибки немцев, считавших русских коммунистов самым деловым слоем населения, наделённым опытом и пониманием населения, его нужд, чаяний, психологии. Немцы такой глупостью широко открыли ворота для советской инфильтрации; то же самое делали, по мнению Абрамова, и солидаристы.

Энтузиасты нового курса бодро зашагали по пути чуть не слепого подражания коммунистическим партии и руководству. Они старались усвоить все приёмы советских коммунистов, убеждая себя в том, что с «противником правильнее всего бороться его же оружием». В результате, и беспринципность, столь часто проявляющаяся в поведении от-дельных солидаристов и не всегда правильно приписываемая их личным качествам.

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев.

NUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>